

УДК 1:316

КОНЦЕПЦИИ ДИАЛОГА И МАНИПУЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Сиразетдинова Миляуша Фаритовна

аспирант

Башкирский государственный университет, Уфа

author@apriori-journal.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению причин трансформации идей манипуляции и диалога как основополагающих для современных социально-философских и философско-антропологических концепций. Обосновывается возможность отказа от манипулятивных практик в пользу диалога. Разнообразие философских подходов к данной проблеме рассматривается как следствие недостаточно отчетливого видения сущности и оснований манипуляции.

Ключевые слова: манипуляция сознанием; диалог; отчуждение.

THE DIALOGUE AND MANIPULATION CONCEPTIONS OF MODERN PHILOSOPHY

Sirazetdinova Milyausha Faritovna

post-graduate student

Bashkir state university, Ufa

Abstract. The article is devoted to the revealing of manipulation and dialogue ideas' transformation which are fundamental for contemporary socio-philosophical and anthropological conceptions. The author proves the possibility of refusing manipulative techniques in behalf of dialogue. The insufficiency of manipulation's essence and basis grasping causes the existence of diverse philosophical approaches.

Key words: artificial intelligence; humanization of education; philosophy of mind; hermeneutics.

До сих пор общество поддерживало свое существование и развивалось лишь благодаря согласованным усилиям. Управление обеспечивает упорядоченное взаимодействие посредством координации взаимодействия индивидов и общества. С усложнением общества трансформируются методы и масштабы организации процесса управления. Коллективное самоуправление сменяется другим типом, основывающимся на сознательно поставленных отдельными социальными субъектами целях. Первое было адекватно в то время, когда социальные отношения совпадали с отношениями родства и вырастали из них. Разложение общины стало началом развития искусственных форм управления, одной из которых является технология манипуляции. Затем, с получением свобод большим количеством людей, манипуляция проникает во все сферы жизни общества и начинает использоваться всеми. Если первоначально субъект и объект управления были тождественны, то современное понимание сущности управления как «воздействия субъекта на объект, направленного на упорядочение, сохранение, разрушение или изменение системы объекта в соответствии с поставленной целью» [1, с. 36] является манипулятивным. Самосознание индивидуальности и личности позволяет выйти из слепого подчинения закономерностям общественного развития – периода, когда действия членов общества были цикличны подобно самовоспроизводящимся природным явлениям. Субъект, обладающий индивидуальностью, пытается изменять социальную действительность, в то время как объект, сам того не осознавая, остается проводником его воли. Именно элита вырабатывает и систематизирует, продвигает технологии манипуляции.

Со второй четверти XX в. происходило накопление эмпирических данных о методах манипулирования и их систематизация при отсутствии концептуального анализа, что проявляется, например, в отсутствии различения феноменов внушения и манипулирования, в редукции поведения человека к реакциям на разнообразные стимулы. Массовый человек

рассматривается как «дивид» – расщепленный объект, а не целостный субъект, что выразилось в полной мере в представлении о личности как о сумме «паттернов поведения» в бихевиоризме, опираясь на которые группа операторов рационально управляет этой личностью. Успехи научно-технической революции также способствовали проведению прикладных исследований. Массовое производство товаров и услуг вынуждает их производителей конкурировать, что приводит к возникновению исследований манипулятивных возможностей рекламы; в политической сфере процессы демократизации обусловили изучение особенностей манипуляцией сознанием электората. Работы этого периода посвящены политико-идеологическим разоблачениям полярных режимов; отечественные ученые подробно рассматривают пропаганду капиталистического строя в средствах массовой информации. Примечательно, что если США подобные исследования в сфере массовой коммуникации в значительной степени финансировались американским правительством, а затем и крупными корпорациями, то в СССР они подвергались существенным ограничениям из-за непризнания возможности и действительности существования манипуляции сознанием в социалистическом обществе.

Как видим, наиболее подробное рассмотрение технологий манипуляции сознанием осуществляется в политических и психологических науках. Однако отсутствие междисциплинарного диалога привело к возникновению неверных толкований феномена манипуляции (отождествление с махинациями, мошенничеством, обманом, внушением и убеждением). Частные дисциплины заняты решением практических задач, что, как правило, требует апологии и разработки эффективных способов воздействия на сознание. Со второй четверти XX века объяснение и оценка манипулятивных практик осуществляется в философских работах, посвященных осмыслению индустриального общества. В течение долгого времени процесс манипуляции рассматривался как составляю-

щая только властных отношений, отражающих инструментальный статус индивида по отношению к обществу.

Противоречия в развитии личности и общества стали предметом исследования в психоаналитической философии. Так, З. Фрейду принадлежит концепция антагонизма психической и социокультурной сфер бытия человека, который приводит к распространению неврозов, в дальнейшем развитая в работах философов Франкфуртской школы. Э. Фромм также утверждает, что «разные общества отличаются степенью, до которой они способствуют развитию индивида, но в каждом из них существует разрыв» [2, с. 41], стремление внедрить в личность поддерживающие социальный «статус-кво» нормы (интериоризация, социализация. Развитие человека нужно обществу в той степени, в которой он способен поддерживать его воспроизводство.

Философская антропология породила представления о том, что основания как манипулирования, так и диалога обусловлены тем, что человек перестает быть только лишь частью природы, исключительно зоологическим существом из-за утраты непосредственной связи с миром [3] в виде врожденных механизмов жизнедеятельности. Отсутствие прочной интегрированности в природный мир породило такую форму отчужденной компенсации, как манипуляция. При этом сущность человека открыта и процессуальна, является непрерывно становящейся, а не предзаданной. Реализация как манипулятивного, так и диалогического отношения к человеку становится возможной благодаря способу существования сознания, создающего символические универсумы: поскольку сознание воспринимает лишь ограниченное количество явлений природного и социального мира, оно творит смыслы и значения, отсутствующие за собственными пределами, то есть в самой реальности [4]. Символический универсум объединяет и упорядочивает наши фрагментарные сведения о мире, задавая пред-понимание любого события, которое оказывается несвободным от интерпретации. Вещи и люди предполага-

ют разные способы отношения к ним, но при отношении к человеку как к объекту воздействия возникает манипулятивное отношение.

Манипуляция сознанием, как правило, оценивается с позиций манипулируемого объекта, что вызывает однозначно негативное отношение и затрудняет понимание позитивных возможностей ее применения – исключением, пожалуй, являются лингвистические исследования, а также не имеющие теоретической основы дискуссии участников психологических тренингов в сети Интернет.

Традиция изучения проблемы диалога и коммуникаций в обществе развита в трудах М.М. Бахтина, М. Бубера, Ю. Хабермаса, К. Ясперса. Выделяемые М. Бубером «Я – Оно» и «Я – Ты» отношения соответствуют понятиям диалога и манипуляции. Последняя представляет собою осознание себя как внутренней целостности и противопоставление миру, в этом случае манипулятивное отношение может рассматриваться как необходимая ступень на пути к диалогу, следующая за дорефлексивным состоянием невыделенности человека из общества, когда личности не существовало. При таком противопоставлении человек начинает исходить в своей деятельности из собственных интересов и представлений, растождествляясь с обществом и идентифицируясь с теми группами, которые могут обеспечить достижение общих для индивидов целей. Коммуникация на этом этапе воспринимается только как объективная необходимость поддержания социальной связи. При этом человек способен заниматься анализом и оценкой окружающих, но не имеет потребности вступать в диалог, так как не погружается в общение.

Философия М. Бубера позволяет отличать субъектный тип отношений от разнообразных суррогатов-симуляций – «монологов, замаскированных под диалог» [5, с. 150]. Диалог Бубер понимает не как способ передачи информации, то есть не редуцирует его к логическому либо лингвистическому аспекту, а понимает как истинную связь с Другим, требующую осознания собственной свободы и автономии Другого, не на-

правленную на какие-либо цели, кроме самого акта диалогического общения. В отношениях «Я – Ты» Другой может рассматриваться исключительно как экзистенция, принципиально несводимая к схеме и каким бы то ни было конечным, определенным характеристикам.

Таким образом, возникновение манипуляции может быть понято как следствие дифференциации социальных общностей и акт отрицания того или иного положения субъекта манипуляции в социальной системе. Ее преодоление же связано с восстановлением нарушенной общности с Другим, с отходом от противопоставления себя природе, обществу или другому человеку как объекту.

Ю. Хабермас выделил следующие три индикатора «истинной» коммуникации: равенство участников коммуникации и свобода от давления; обсуждение общих проблем, важных для всех; запрет на ограничения дискурса и возможность его возобновления по требованию участников [6, с. 139]. Хабермас считает, что результатом идеологического давления являются ложные согласие и взаимопонимание в обществе, и особое значение придает критической функции социальных наук.

В перечень защитных механизмов от манипуляции в сфере социогуманитарных наук следует включить критическое осмысление и пересмотр общепринятых положений в науке, прежде всего социальной и гуманитарной. В условиях засилья имиджевых технологий для «прорыва в реальность» (а на проникновение в ее сущность нужно направить еще большие усилия) необходимы саморефлексия и осознание собственных предпосылок, что является делом философии.

В России проблема диалога активно разрабатывалась Бахтиным, который считал, что «наша мысль и наша практика... совершаются между двумя пределами: отношениями к вещи и отношениями к личности» [7, с. 371]. Объектный подход, по его мнению, состоит в упрощенном, не динамическом видении партнера по коммуникации, в использовании схематизированных представлений о нем; характеризуется однонаправ-

ленностью воздействия и использованием просчитанных наперед приемов. Что касается потенциала русской диалогической традиции в целом, то в философии всеединства В. Соловьева принцип единства органично совмещается со множественностью единичных существ и предполагает благо для всех и каждого: любой элемент целого (человек или народ) самоценен и многоаспектен, а значит, имеет право на достойное существование. Даже природа познания понимается чаще всего российскими мыслителями как созерцание сердцем (интуитивизм Н.О. Лосского, концепция «живого знания» С.Л. Франка) непостижимого бытия, объемлющего и субъекта познания. И.В. Киреевский отмечает: «отличительный тип русского взгляда на всякий порядок» заключается в «совмещении личной самостоятельности с целостностью общего порядка», тогда как разум европейца не «вмещает порядка без однообразия» [8, с. 378]. Отсюда происходит и критикуемый в евразийстве европоцентризм, претензии Запада на роль эксперта и судьи в делах других государств, концепции «золотого миллиарда» и «столкновения цивилизаций».

Диалогическая традиция, несомненно, присутствовала в европейской философии уже во времена Сократа. Возникла она, как и сама философия, из необходимости обоснования свободы человека, который перестал быть «растворенным» в обществе. Внимание современных мыслителей по-прежнему обращено к проблемам, которые возникают из-за нарушения диалогичности отношений с природой, обществом или государством и с самим собой. Несмотря на успехи в индивидуализации потребления, развития массовых коммуникаций и средств передвижения, в глобальном масштабе продолжают процессы массовизации и растет одиночество индивидов, что связано с уходом на периферию системы управления традиций и межличностных связей, отрывом первых от общественной практики (их заменяет ориентация на инновации) и превращением вторых в функциональные, кризисом состоянием социальных институтов. Манипуляцию сознанием в данном контексте можно

рассматривать как отчужденную форму связи людей, восполняющую «неподлинность» взаимоотношений с миром (прежде всего – социальным), состоящую, согласно экзистенциальным философам, в отношении к нему как к противостоящему и обезличенному.

Одной из причин доминирования манипулятивных практик считается массовизация общества. Атомизированный индивид, получивший за короткое время разные типы свобод, не научен ими распоряжаться, что оставляет возможности для внешнего влияния. Без прежних социальных регуляторов индивид становится бесосновным, то есть обладающим только отрицательной формой свободы. Пребывание в массе рождает у индивидов ощущение могущества и непобедимости, хотя сами они не генерируют идеи, которыми оказываются движимы. Поэтому неприспособленный к самоопределению, с точки зрения Х. Ортега-и-Гассета, народ без манипулирования со стороны элит пришел бы к дезинтеграции [9, с. 48].

Многие связывают распространенность манипулятивных отношений в современном обществе с растущей технизацией и ее частным случаем – виртуализацией общества. Совершенствование средств передвижения, коммуникации и компьютеризация не только привели к сжатию пространства – «планета стала меньше... чем была некогда Римская империя» и ускорению времени, но и привело к появлению нового измерения социального пространства, делающего возможным мгновенный доступ к информации и экономической экспансии, так и возможность освобождения от территориальных ограничений физической и социальной природы (транснациональный капитал и финансовые спекуляции – подтверждения существования данной тенденции).

Манипуляция сознанием, безусловно, прогрессивна по сравнению с насилием, но при условии ориентации на интересы сосуществования с Другим – благополучие индивида зависит от благополучия всего общества, как и благополучие любого организма в биогеоценозе.

При опоре лишь на теории управления и техники манипулирования человечество обречено двигаться в границах порочного круга социальных конфликтов и природных катаклизмов. Признание же свободы Другого поможет решить проблему манипулятивного произвола не только в пределах общества, но и во взаимодействии с внутренней и внешней природой. Поэтому мы имеем все основания утверждать, что переход от технологий манипуляции сознанием к диалогическому взаимодействию необходим для сохранения и дальнейшего развития всех типов обществ.

Список использованных источников

1. Диев В.С. Управление. Философия. Общество // Вопр. философ. 2010. № 8. С. 35-41.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 442 с.
3. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
4. Кассирер Э. Логика наук о культуре // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 7-154.
5. Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993. 176 с.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
8. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 560 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 268 с.